

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

8

2021

Быть редактором – моя судьба

Беседа М. БУЛГАКОВА

с редактором литературного отдела журнала К. САВЕЛЬЕВОЙ

Российская охота зиждется не только на многообразии нашей природы, но и на традиционных составляющих: охотничье хозяйство, наука, оружие, собаководство, собственно охота и её отображение в литературе и других видах искусства. Уже в самом первом номере нашего журнала, вышедшем в октябре 1955 года, прочно застолбила себе место рубрика «Рассказы и очерки». С той далёкой поры на страницах журнала было опубликовано великое множество литературных произведений, но источник вдохновения авторов поистине неиссякаем. В журнале на протяжении многих десятилетий главным хранителем этого источника является литературный редактор Карина Павловна Савельева. Читателям невдомёк, сколько кропотливого труда требует обработка и подготовка рукописей к печати, редакторская работа всегда остаётся за кадром, но оттого она не перестаёт быть интересной и увлекательной. О ней и пойдёт речь в беседе с К.П. Савельевой. А повод для этой беседы торжественный и памятный – в июле нашему замечательному редактору исполнилось 85 лет.

Поздравляем от всей души!

Дорогая Карина Павловна, вы привыкли во время встреч и литературных бесед задавать вопросы друзьям и гостям журнала, а теперь настал и ваш черёд побыть в роли ответчика. Для начала расскажите, пожалуйста, о себе – кто вы и откуда и с какого колена ведёте свою охотничью родословную.

Я родилась в московской семье, где не было охотников, не было их и вокруг семьи – среди родственников, соседей и знакомых. Папа с 16-ти лет увлёкся фотоделом и трудился в типографии, а после двухгодичных курсов получил направление в редакцию газеты «Известия» и стал работать фотокорреспондентом. Ездил по городам и весям, занимался фотосъёмками высших руководителей страны в Кремле, участвовал в военных действиях на Халхин-Голе и на Карельском перешейке, в Сталинградской битве, на Курской дуге и в форсировании Днепра. Погиб он на боевом посту осенью 1944 года на Западной Украине, имел боевые награды: медали, среди них «За отвагу» и орден Отечественной войны первой степени. Вся его недолгая трудовая и фронтовая жизнь была тесно связана с постоянными разъездами, поэтому мама не работала, а занималась домашним хозяйством и воспитанием детей – меня и старшего брата Владлена. Брат после войны поступил во ВГИК, закончил опера-

Первый день работы в журнале.
8 августа 1966 г.

торский факультет и посвятил свою жизнь документальному кино: стал режиссером и сценаристом, много колесил по стране и всему миру. Но и Владлен не стал охотником, к этому не было никаких предпосылок. С 1940 года мы жили на Кутузовском проспекте, около нынешнего Новоарбатского моста в доме на набережной Москвы-реки, построенном для работников газеты «Известия».

Училась я хорошо, школу закончила с медалью. Обучение продолжила на филологическом факультете МГУ. На защите дипломной работы известный литературный критик и литературовед В.Я. Лакшин назвал мою работу одной из лучших, мне предложили продолжить образование в аспирантуре. Но я не горела желанием заниматься наукой, хотелось работать не в библиотеках, а с людьми, и теперь, после 55-ти лет, проведённых в редакции охотничьего журнала, я с улыбкой вспоминаю тему своей дипломной работы: «Некоторые вопросы теории драмы в статьях Н.А. Добролюбова об А.Н. Островском».

Олег Кириллович Гусев, стоявший на капитанском мостике журнала 48 лет, при отборе сотрудников проводил тщательную селекцию, и случайные люди просочиться в редакцию не могли ни при какой погоде. А каким образом именно вам, а не другим претендентам удалось занять кресло ре-

дактора литературного отдела в охотничьем журнале?

После окончания университета я начала работать в отделе критики газеты «Литература и жизнь». Из той далёкой поры могу вспомнить свою рецензию на книгу Виктора Астафьева «Звездопад», едва ли не первую его книгу, изданную не в провинции, а в Москве. Познакомилась я и с её автором, будущим знаменитым писателем, а тогда ещё сравнительно молодым литератором, но о нём я несколько слов скажу позже.

Из газеты я после рождения сына перешла на более спокойную, не связанную с разъездами, работу в издательство «Знание». Там я познакомилась с биологом, писателем Игорем Акимушкиным, автором популярных книг о животных. Он дружил с главным редактором журнала «Охота и охотничье хозяйство» О.К. Гусевым и, когда освободилась вакансия редактора литературного отдела, порекомендовал меня на эту должность.

Кто бы мог подумать, что это был знак судьбы и что вся моя жизнь на протяжении многих лет будет тесно связана с охотничьим журналом, охотой и охотниками! На первых порах было тяжело, но Олег Кириллович оказывал мне всемерную помощь, уделяя много времени моему «охотничьему» образованию. Не сразу и не вдруг, но довольно быстро осваивала я премудрую охотничью терминологию, а со временем буквально погрузилась в необычную и по-своему прекрасную стихию охотничьего языка. Для меня открылся новый мир, и совершенно по-новому зазвучали знакомые со школьных лет страницы с охотничьими мотивами и сценами в стихах Некрасова и Фета, произведениях Толстого, Куприна, Бунина и других классиков русской литературы. Мало того, я стала первым читателем рассказов современных писателей и поэтов, наделённых охотничьей страстью. И за полвека с лишним я никогда – ни одного дня – не пожалела о том, что связала свою жизнь с охотничьей литературой.

Глядя на вас, никому в голову не придёт мысль, что вы когда-нибудь с ружьём наперевес подкрадывались к уткам в тихой заводи или тропили зайцев по белой пороше. Скажите честно: вы бывали на охоте?

Это было давным-давно, но один единственный раз в жизни я всё же побывала на охоте – вальдшнепиной. Теперь уже и не вспомню, сама ли я напросилась в лес, но, когда муж и его приятели отправились с ружьями в подмосковные угодья, я очутилась в их компании. О чём-то посоветовавшись, добычки разошлись в разные

стороны, а меня оставили поддерживать огонь в разведённом костре. Дело это оказалось непростым, и у меня совершенно не было времени наблюдать за тем, что происходило в окружающей природе. Я только каждый раз вздрагивала, когда неподалёку раздавались выстрелы. Охотники вскоре вернулись с добычей, отстранили меня от еле тлевшего костра и быстро приготовили шашлык из вальдшнепов. Такая охота мне очень понравилась, но меня больше на неё не приглашали.

Тем не менее, я за свою жизнь прочитала и услышала от профессионалов такое количество историй об охоте, какое и не снилось обычному охотнику, и хорошо представляю себе процесс охоты не только на вальдшнепа или зайцев, но и на волков и медведя.

В конце 1980-х гг. в нашей стране наблюдалось небывалое общественное явление – читательский бум такого масштаба, что тираж журнала «Охота и охотничье хозяйство» лишь самую малость не дотянул до миллиона экземпляров. Поскольку между журналом и читателями существовала обратная связь, то, как вы справлялись с этим стихийным бедствием?

Помимо постоянных посетителей, эпизодических и случайных гостей в редакцию гигантским потоком шли письма – до 30 тысяч в год! Разумеется, редакторам отделов было не по силам возвести перед этим потоком защитную дамбу, чтобы остаться в живых. Эту работу выполнял специальный отдел писем. Корреспонденцию для начала складывали в большие мешки, а потом сотрудники редакции в течение 10 дней были обязаны ответить на каждое письмо и высказать своё мнение о пришедшей рукописи.

Огромную роль в регулировании этого лавинообразного процесса сыграл О.К. Гусев, умело распределивший нагрузки на работников редакции. Например, ко мне он прикрепил двух литконсультантов, без них я просто утонула бы в «самотёке». Иногда вспоминаю о том времени и удивляюсь, каким образом нам, сравнительно небольшому коллективу, удавалось справиться с таким объемом редакционной работы. Вполне может быть, что незримая энергия, помогавшая нам, таилась в мешках с письмами охотников, ждавших от журнала не только помощи и сочувствия, но отклика и соучастия.

Сейчас люди почти перестали писать обычные письма на бумаге, и мне грустно, что эта способность, если ещё не утрачена окончательно, стала архаичной. Ведь письма или послания, начиная с берестяных грамот, были неотъемлемой частью человеческой культуры. Я не противник прогресса, но редакторская работа с компьютером – не моё, для меня до сих пор она существует в своём классическом виде: с ручкой в руке. И мне нравится получать письма в конвертах с почтовыми марками из разных городов и уголков Рос-

Работа над рукописями требует особого сосредоточения

Особая и завидная часть вашей работы – встречи с известными всей стране прежде советскими, а теперь российскими охотниками. Какую роль они сыграли в вашей жизни?

Моя должность в охотничьем журнале подарила мне такие возможности, о которых можно было только мечтать. Если начать с литературы, то я к своему удивлению обнаружила, что наши писатели, чьи книги издавались огромными тиражами, великими спортсмены, военачальники-маршалы, учёные с мировым именем – охотники! Не сплэш, конечно, но значительная их часть. И наступило золотое для меня время, когда, помимо собственно редакторской работы, семейных забот и решения других житейских проблем, приходилось посвящать всё свободное время общению с интересными людьми, очень разными в жизни, но одинаковыми в своей любви к охоте. Охота и стала универсальным «золотым ключиком» к их сердцам.

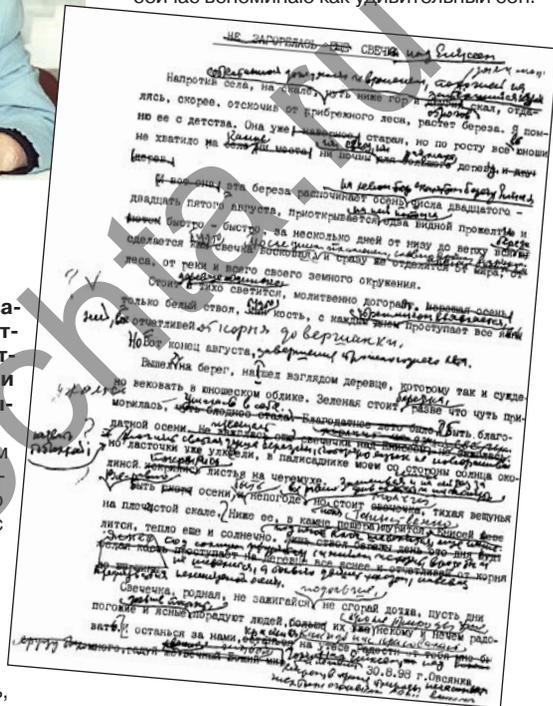
В те годы этих людей знала вся страна. Однажды я попыталась подсчитать, с кем из знаменитых охотников мне посчастливилось встречаться, но, когда счёт перешёл на четвёртый десяток, оставила эту затею. Бывало и так, когда обычное знакомство с кем-то из них не заканчивалось после двух – трёх встреч, а перерастало в дружбу, иногда многолетнюю.

Вот и расскажите поподробнее об этих людях.

Из тех писателей, кто родился ещё в позапрошлом веке при царях Александре III и Николае II, назову И.С. Соколова-Микитова, Е.Н. Пермитина, А.В. Перегудова и Н.П. Смирнова. Каждый из них оставил заметный след не только в охотничьей, но и вообще в литературе советской эпохи, а Пермитин и Смирнов внесли к тому же существенный вклад в создание и популяризацию журнала «Охота и охотничье хозяйство» и альманаха «Охотничьи

просторы». К этим представителям старой писательской гвардии примыкали, а по возрасту даже превосходили их, художник А.Н. Комаров и искусствовед и кинолог Н.П. Пахомов.

Невозможно переоценить роль этих замечательных людей в российской охотничьей культуре. Знакомство, а с некоторыми близкое знакомство или дружбу я сейчас вспоминаю как удивительный сон.

Текст черновика В. Астафьева

Посудите сами: все они были молодыми современниками Льва Толстого, а художник Комаров иллюстрировал охотничьи журналы ещё задолго до революции 1917 года – в самом начале прошлого века! И я к нему ездила в посёлок художников Пески, и он рассказывал мне истории из своей почти столетней жизни. Где, когда и от кого я ещё услышала бы нечто подобное? Воистину, не родись красивой и счастливой, а родись редактором охотничьего журнала.

Из крупных писателей-охотников, пришедших в советскую литературу после войны и в более поздние годы, мне довелось встречаться и сотрудничать с О.В. Волковым, В.Ю. Янковским, Г.Н. Троепольским, В.П. Астафьевым, Ю.П. Казаковым, А.А. Ливеровским, В.Б. Чернышёвым... и пора остановиться. Потому что почти с каждым из них связана значительная часть моей журналистской жизни, и здесь просто не хватит места, чтобы подробно рассказать об этих выдающихся людях и моих поездках и встречах с ними в Москве и других городах.

А как можно умолчать о знакомстве с такими охотниками, как прославленный полярник, дважды Герой Советского Союза И.Д. Папанин, геолог Н.Н. Урванцев,

открывший урановые месторождения в Сибири, лётчик-герой М.М. Громов, олимпийские чемпионы: борец А.В. Медведь и штангист Ю.П. Власов, кардиохирург Р.С. Акурин и многие-многие другие.

Литературный редактор сродни первооткрывателю, он самый первый читатель рукописей с сокровенными думами и наделён необычайными полномочиями: может открыть эти думы для множества читателей, а может отложить рукопись в долгий ящик или вовсе определить её в корзину. Не тяготит ли вас сознание того, что постоянно приходится быть строгим судьёй?

Для автора, приславшего в журнал рукопись, я, может быть, и судья, но как только рукопись рассказа опубликована, я становлюсь адвокатом и автора, и его детища, и собственной редакторской репутации. Это вовсе не означает, что все прямые и косвенные участники творческого процесса появления на свет охотничьего произведения непогрешимы, но в общей оценке большая роль принадлежит читателю, а окончательные точки расставляет самый беспристрастный судья – время.

Во всём этом сложном взаимодействии звеньев цепочки – автор, рукопись, редактор и читатель – твёрдо убеждена, что каждому своё и что я не просто работаю редактором, а родилась им. Эта работа полностью отвечает моей натуре, темпераменту, устремлениям и другими чертам характера. Мне трудно объяснить, почему так произошло, ведь профессиональный существует великое множество, но редакторская работа – моё призвание, я просто не могу представить себя в другой ипостаси.

Однажды вы показали мне машинописный лист с крохотной черновой «Затесью» писателя Астафьева. Ангелы небесные! Сколько времени убил Виктор Петрович, чтобы на бумаге улеглось и сладилось то, что звучало в его душе!

Эту страницу с астафьевской «Свечой над Енисеем» я заключила бы в рамочку и повесила над столом каждого, кто берётся за перо и пишет рассказы, кстати, не только охотничьи. Создание даже небольшого художественного произведения представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, иногда длительный, часто – тяжкий. Очень точно об этом сказала Анна Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»

Чёрные от правки рукописи лежат не только на авторском, но и на рабочем редакторском столе. Бывает и так, что рукопись приходится править по два – три раза, а потом уже отпечатанный набело текст я всё равно перечитываю, чтобы разглядеть совсем уж мелкие шероховатости. Иной раз, ночью продолжаю думать о чем-то зацепившем меня в рассказе. Зато по мере завершения работы с утра радуюсь не только народившемуся дню, но и тому, что из присланной рукописи, может быть, ро-

дится хороший рассказ после совместных усилий – авторских и моих, пусть и второстепенных. Во избежание недоразумений замечу, что я не имею в виду уже отредактированные или опубликованные в книгах или журналах произведения, а говорю о «девственных» рукописях, не прошедших издательское горнило.

Карина Павловна, если взглянуть на ваш послужной список, то можно с полным основанием назвать вас журналистом от Бога. Поразительно, что за много лет вам не приелась тема охоты в литературе и не наскучило с утра до ночи читать не только прекрасные и хорошие, но порой и совсем незатейливые истории об охоте на уток, вальдшнепов и зайцев.

Отмечаем в редакции моё 80-летие. Рядом Михаил Булгаков 2016 г.

Рассказы об охоте могут показаться простыми и однообразными только непосвящённому или предвзятому человеку, потому что охота – это целый мир со сменой времён года, с озёрами, реками и болотами, с тайгой, степями и горами, со множеством зверей и птиц... и с человеческими страстями. Если уж в своё время издавалась «Библиотека профсоюзного романа», то что уж говорить о вечном романе «Человек и Природа», частью которого являются охотничьи рассказы. И как тут не вспомнить известную фразу о том, что кто-то видит под ногами лужу, а кто-то отражающиеся в ней звёзды. Пишущие о природе и охоте люди относятся к тем, кто видит и умеет ценить красоту окружающего мира.

Разумеется, любое художественное произведение создаётся по определённым законам жанра и в идеальном случае должно им соответствовать. Важно, чтобы в рассказе присутствовали сюжет или тема, запоминающийся персонажи, яркие приметы времени года или даже эпохи, изобразительность, языковые особенно-

сти, так называемая, авторская интонация и так далее. И я всегда радуюсь, когда обнаруживаю эти литературные приметы или «родимые пятна» в рукописях. В такие моменты я засучиваю рукава и принимаю посильное участие в появлении на свет – на страницах журнала – нового рассказа. Если в сканворде надо найти единственное правильное слово-ответ, то в моей работе вариантов ответа почти всегда много и среди них требуется отыскать лучший. Именно в этих поисках, в этой своеобразной гимнастике ума таится прелесть моей профессии. Потому-то я и люблю свою работу, без неё жизнь представляется мне пресной.

А как быть с теми, чтение чьих рукописей не всегда является приятным занятием? Есть ли у вас секретное оружие для успешной борьбы с графоманами или чересчур назойливыми авторами?

За много лет у меня выработалась способность или особое зрение, и я могу буквально по первым фразам и абзацам текста определить литературное качество рассказа или очерка. Бывает и так, что текст написан грамотно – ладно и складно, без сучка и задоринки, но в нём нет сюжета или конфликта. Это не беда и даже не полбеда, если есть занимательность изложения, словесная изобретательность или живописное умение рассказчика. Но что делать, если и этого нет в рукописи? В таких случаях у редактора нет иного выбора, кроме отказа в публикации. Но даже авторам с большим самоощущением я стараюсь не говорить об отсутствии литературного дара, а отказываю в мягкой и дружелюбной форме. Благо, что сейчас есть возможность попробовать свои силы в других изданиях для охотников.

Ваша профессия не только интересная, но и своеобразная, в некотором смысле её можно назвать «не бей лежачего». То есть редактор при определённом стечении обстоятельств может выполнять свою работу, натурально лёжа на диване или качаясь в гамаке на зелёной лужайке. Что вы можете ответить завистникам?

У меня нет дачи, поэтому работаю дома, в обычной квартире. Рукописи лучше всего править, сидя за столом, но в погожий день я устраиваюсь в кресле на открытом балконе с цветами в горшках и с видом на богатую зелень во дворе. Со стороны такая работа может показаться лёгкой, но завидовать особо нечему, потому что голова находится в постоянном напряжении, порой я устаю так, что не хочу уже в обеденное время или вечером есть. Но я не ропщу на свою участь и не ругаю собственную профессию: если работа ума является её неотъемлемой частью, значит, быть по сему.

Я один из ваших журнальных крестников. Знаю и о том, что с вашей лёгкой руки стали литераторами несколько авторов журнала из моего поколения. Это случайное совпадение?

**Сегодня за рабочим столом
Автор фото, юный друг семьи Савельевых Владик Лукьянов**

Наш журнал всегда отличала широкая география публикуемых материалов, в том числе и в разделе «Литературные страницы». А.А. Ливеровский был из Ленинграда, Б.М. Петров писал о сибирских охотах, В.П. Сысоев и С.П. Кучеренко жили на Дальнем Востоке, В.Б. Чернышёв родился в Симбирске, но много путешествовал с ружьём по всей огромной стране – от Карелии до Камчатки...

Появление на страницах журнала и в литературе новых авторов не зависит от желания или прихоти редактора, как и география повествований. И мне всегда было интересно, когда в редакцию приходили рукописи от неизвестных авторов-охотников из неведомых географических и литературных земель. Зачастую эти рукописи представляли собой обычную «пробу пера», но бывали и редкие исключения, когда мне удавалось разглядеть в чьём-то тексте задатки литературных способностей и помочь начинающему автору стать литератором.

Горжусь тем, что принимала самое непосредственно и деятельное участие в публикации рассказов Игоря Алёхина. Казалось бы, в беслесных кубанских степях или азовских плавнях охотничьей романтике взяться неоткуда, но герой повествований Алёхина неотомимо искал её и находил. Я это тотчас подметила и очень обрадовалась, когда отклики читателей подтвердили мою догадку – в охотничью литературу пришёл новый самобытный автор. Нас связывала многолетняя дружба по переписке и телефону. И как же я переживала, когда Игорь Алёхин, любивший собак и трогательно о них писавший, трагически погиб на охоте, спасая попавшую в беду собаку.

Своеобразным литературным голосом из провинции обладал и Анвар Бикмуллин, так же, как и Алёхин, безвременно ушедший из жизни. По профессии он был столяром-краснодеревщиком, но, обладая врождённой любознательностью и любовью к чтению, всю свою сравнительно недолгую жизнь занимался самообразованием и самосовершенствованием. И ему удавалось находить всё новые и новые темы для своих рассказов и очерков об охоте в пензенских лесах, умело вплетая в них интересные факты не только из недавней, но и древней истории родного края и всей России. Отличительная особенность его рассказов – сочетание прошлого и настоящего, объединённого непрерывным течением времени в пространство, где охотник за тысячи лет, в сущности, так и остался охотником.

Сколько-то лет тому назад я был гостем «Круглого стола», посвящённого периодическим изданиям для охотников, и одна из участниц высокого собрания заявила, что охотничья беллетристика не пользуется спросом у читателей и превратилась в архаизм. Что вы могли бы возразить на эту, мягко говоря, спорную точку зрения?

Не знаю теперешнего положения дел с охотничьей периодикой в США, а когда-то там издавались журналы для охотников чуть ли не в каждом штате и однажды кто-то привёз в редакцию некоторые из них. Журналы небольшие по объёму и по-разному оформленные, какие-то странные и в то же время почти неотличимые друг от друга. При ближайшем рассмотрении оказалось, что все они представляли собой не журналы в нашем понимании, а несколько десятков страниц с красивыми

фотографиями и развёрнутыми или короткими комментариями к ним, а то и просто подписями. И, конечно, непривычное для нашего глаза запредельное обилие кричащей рекламы.

Возвращаясь к сути вопроса, скажу, что наш журнал старается сохранить традиционную структуру и привычную форму подачи материалов для российских охотников. Разумеется, могут существовать специализированные издания по проблемам охотничьего хозяйства, для любителей собак, оружия и охоты на экзотических животных, но универсальный журнал обладает неоспоримыми преимуществами, потому что охота в нём представлена во всём многообразии. И пока живы охотники, будут жить охотничьи рассказы и стихи, ведь охотничья литература дополняет и обогащает жизнь и согревает душу.

Ваше жильё похоже на старинную шкатулку, доверху наполненную драгоценностями особого рода – книгами, альбомами по искусству, картинами и картинками, фотографиями на стенах и множеством, говоря современным языком, артефактов. Это хобби или страсть?

Это – часть моей жизни, её красивая часть. Литература всегда жила бок о бок с живописью, музыкой и другими видами искусства. В своё время тема соприкосновения литературы, живописи и охоты настолько меня увлекла, что я не только усердно посещала музеи и картинные галереи, но целыми днями просиживала в Ленинской и Исторической библиотеках, в тиши читальных залов, забывая обо всём на свете. Скрупулёзное изучение биографий наших выдающихся художников помогло мне нащупать и исследовать связь искусства с охотничьей страстью в картинах таких живописцев, как Василий Перов, Борис Кустодиев и Константин Коровин. И после всех изысканий познать читателей журнала с творчеством этих художников в нескольких публикациях.

Увлечение живописью и биографиями художников, как и книжно-журнальными иллюстрациями – моя давняя слабость. Иллюстративный ряд дополняет и расширяет литературное содержание материала, и художник становится соавтором текста. У кого-то из читателей есть богатое воображение, и оно приходит к нему на помощь и при чтении «голого» текста, но иллюстрации делают его богаче, потому что в этом случае под одной обложкой существуют две книги – книга слов и книга рисунков, и они едины. И я очень печалюсь, что сейчас у журнала нет возможности приглашать для сотрудничества хороших художников-иллюстраторов.

В давние годы я с отобранными для печати рукописями ездила к художникам в их мастерские или московские квартиры. О патриархе русской анималистики А.Н. Комарове я немножко рассказывала, но ещё вспомню об интереснейших художниках и добрейших людях – А.А. Келейникове, Г.Е. Никольском, П.Я. Караченцове. С го-

дами старшее поколение иллюстраторов-анималистов уходило, а потом наступило время, когда художники сами приезжали в редакцию и забирали рукописи «в работу».

Особое место в когорте художников-оформителей журнала более двадцати лет занимал Борис Леонидович Игнатьев, работавший на студии «Диафильм» и пришедший к нам по протекции писателя Вадима Чернышёва. Игнатьев был воспитанником реалистической школы в живописи, но этого ещё недостаточно, чтобы иллюстрации совпадали с текстом охотничьих рассказов. К счастью, он был охотником. И его рисунки, правдивые и живые, на протяжении многих лет радовали глаз самых строгих и взыскательных читателей журнала.

Не могу не вспомнить наших славных художников-женщин – Ирину Маковееву и Веру Горячеву. Уж они-то точно не были членами охотничьих обществ и вряд ли когда-нибудь стреляли из ружья, но их мастерски исполненные и трогательные рисунки животных, особенно собак и собачек всевозможных охотничьих пород вызывали восторг не только у зоологов, биологов и кинологов всех мастей, но и у читателей-охотников с художественной жилкой.

Существует крылатое выражение «Рукописи не горят», однако мало ли что... Случалось ли вам если не сжигать, то скажем забывать чужие рукописи общественных местах или, проще говоря, терять их?

Сама я свои или чужие рукописи – спаси и сохрани! – не жгла, но однажды, возвращаясь домой в прекрасном настроении после встречи с писателем, заслуженным кинологом и охотником В.И. Казанским, забыла свою сумочку вместе с записанным разговором... в электричке. Василий Иванович был интеллигентом старой, ещё дореволюционной школы, и он после моего покаяния встретился со мной ещё раз и ничем не выдал своего недовольства.

Много лет спустя судьба приготовила мне новое испытание. Друг-охотник свёл меня со знаменитым режиссёром и депутатом Госдумы С.С. Говорухиным. Уж и не знаю, за что на мою голову обрушилась кара, но история с забытой в электричке рукописью повторилась. Рассчитывать на новую встречу с принципиальным и пунктуальным режиссёром было очень сложно, я боялась даже подумать об этом. Спасло меня то, что вернувшись домой, я по горячим следам практически дословно сумела восстановить «сгоревшую» рукопись. Опубликованное вскоре интервью Говорухину понравилось, и он так ничего и не узнал о его драматической судьбе.

Тридцать с лишним лет тому назад гончатник Борис Иванович Марков впервые чуть ли не за шиворот притащил меня «посмотреть на редакцию «Охоты», и я был удивлён, что несколько женщин неведомыми путями проникли в охотничий стан. Женщины – от-важный народ!

Не умаляя роли мужчин в редакции, всё-таки скажу, что без женщин – никуда! Уж на что главный редактор О.К. Гусев был ярким представителем мужского начала в охотничьем деле и во всех его составляющих, но и он очень хорошо это знал. А ещё он был мудрым селекционером и привлекал для работы в редакции не просто профессионалов, но в первую очередь людей по-настоящему преданных и любящих своё дело. У нас практически никогда не было случайных сотрудников. Если кто-то и уходил из редакции, то на это, как правило, имелись веские причины. Не могу всех перечислить, ибо их было много, а назову только коллег-женщин из старшего, близкого мне по возрасту поколения – редакторов В.В. Бибикову, Т.А. Волжину, А.М. Лаврову, Л.В. Шатунову. Все мы трудились в одной комнате, но как говорится в тесноте да не в обиде! И я с благодарностью и теплой воспоминаниями о нашем сотрудничестве, когда всех нас, женщин, связывала общая цель – сделать журнал таким, чтобы за него не было стыдно перед мужчинами-охотниками.

В завершение нашей беседы хотелось бы поблагодарить вас за беседу и услышать пожелание, напутствие или даже некий завет для будущих поколений писателей и читателей из охотничьего племени.

Есть одно желание – пишите много и почаще. Если у вас есть литературный дар, он рано или поздно проявится.

Саблезубый олень и люди¹

А. ВАЙСМАН

На фоне роста рынка кабарожей струи рынок пушнины, в первую очередь – соболя, не внушает оптимизма.

В 2020 году состоялись три международных пушных аукциона, на которых реализовалась пушнина дикого соболя. По данным сайта Союзпушнины, в январе на аукцион была выставлена 86 401 шкурка, продано 87% или 75 169 шкурок при средней цене \$71,36 за «хвост»; в сентябре была выставлена на продажу 167 691 шкурка, а продано 17 943 шкурки или всего 11% при средней цене \$54 за шкурку – снижение цены составило почти 25% при почти десятикратном падении объема продаж. Падение цен на пушнину продолжилось и на декабрьском аукционе, на котором продали 52 062 шкурки дикого соболя (42% от предложения) по средней цене \$41,78. Всего на аукционах 2020 года было продано 158 269 шкурок соболя, за которые охотники на руки получили около 320 млн. рублей. Для сравнения: в наилучшем для российского пушного рынка 2013 году

было продано без малого 700 тыс. шкурок при средней цене, превышающей \$240.

И ничего с этим не поделаешь. Традиционно, ещё с рюриковых времен, основной покупатель русской пушнины живет на Западе. А на Западе нынче преобладает «зеленая» тенденция. Не экологическая, основанная на научных знаниях, а именно «зеленая», основанная на эмоциях. Поэтому прогноз для пушного рынка – неблагоприятный. Рынок будет падать. И цены будут падать. Уже сейчас цена на пушнину такова, что охотнику нет смысла идти в тайгу за соболем. Дешевле дома на печи лежать.

А что с кабаргой? В том же 2020 году официально, по отчетам, добыто 14 262 самца-струйника. Приняв средний вес железы за 20 граммов и учитывая, что при наличии талона к разрешению на добычу, заготовительная цена, в среднем, составляет 2000 рублей за грамм, можно подсчитать, что только за легально добытый мускус охотниками выручено 570,5 млн. рублей или в 1,8 раза больше, чем за все соболиные шкурки.

Конечно, не вся пушнина соболя уходит на аукцион. Но, по оценке специали-

Фото © DEPOSITPHOTOS.COM/Alex.S.

стов, на внутренний рынок поступает не более 25% от общего числа шкурок добытых соболей, к тому же и цены внутреннего рынка ниже аукционных. С другой стороны и добыча кабарги отнюдь не ограничивается легальной. Да, справедливо предположить, что с «ростом численности» и увеличением лимитов немалая доля ранее нелегальной добычи в настоящее время легализовалась, но всё же теневая доля

¹ Окончание, начало см. в № 7 за этот год.

Кабарожья струя

Фото из архива автора

рынка кабарожьей струи вряд ли значимо меньше легальной. Это прибавляет к общему доходу охотников от реализации струи ещё не менее 400 млн. рублей, приближая этот общий доход российских охотников от добычи кабарги к миллиарду. Звучит это фантастично, но В.Н. Степаненко правильно написал в своей статье²: «арифметика – наука точная».

К тому же сегодня, как и в прошлые времена, основной потребитель кабарожьего мускуса – Китай. Страна с продолжающей расти экономикой и с крепкими традиционными подходами к медицине и использованию природных компонентов для приготовления лекарств. И «зеленой» дурью там не маются. А значит, со сбытом кабарожьей струи в обозримом будущем сложностей не ожидается. И цены на неё будут только расти.

Так что же, можно расслабиться и успокоиться? В промысле кабарги и в обороте кабарожьей струи нет проблем? Увы, это не так.

С точки зрения сохранения охотничьих ресурсов, их неистощительного использования, а значит, гарантии сохранения устойчивых объемов добычи и, следовательно, доходов промысловиков и благополучия их семей, в кабарожьем промысле на сегодняшний день существуют две основные проблемы:

Первая – организационно-нормативная. Это – отсутствие обоснованных знаний о реальных запасах этого зверя в наших угодьях, о степени влияния промысла, о чувствительности различных субпопуляций кабарги к промысловой нагрузке в разных частях её ареала. И, как следствие, отсутствие лимитов добычи кабарги, соответствующих её численности. Это приводит к тому, что значительная часть струи добывается вне пределов правового поля, а попросту говоря – нелегально. Прежде всего, это вредит самим добытчикам – нелегальная струя скупается заметно дешевле добытой по разреше-

ниям. Отсутствие обоснованных данных о численности вида, о степени интенсивности промысловой нагрузки на популяцию, о распределении этой нагрузки по ареалу не даёт возможности ни планировать, ни осуществлять промысел на основании научных подходов. Пока что в промысле кабарги, как и в промысле других значимых в социально-экономическом плане видов охотничьих животных «рулят» фантазматическое, дилетантский подход, а порою и воинствующее невежество. Пока что вырывают огромные просторы неосвоенной тайги, а дальше как? Буферные возможности природы не безграничны...

Вторая беда кабарожьего промысла – техническая и, опять же, нормативная. Дело в том, что основным инструментом добычи кабарги является обычная затягивающаяся петля, изготавливаемая или из металлического троса диаметром 2 – 2,5 мм, или армейского телефонного провода. Петли устанавливаются или просто на тропках, или в проходах искусственных загоронок-лудьев, которые устраивают, спливая густые хвойные деревья так, чтобы они ложились в одну линию. Некоторые

Самка кабарги, погибшая в петле

Фото из архива автора

участки угодий бывают буквально опутаны петлями. В чем беда петель? Правилами охоты добыча кабарги петлями запрещена. И этот формальный запрет сильно мешает и пониманию сути вопроса, и его решению.

Петля – один из самых распространенных в мире типов самоловов. Простой в изготовлении, дешёвый и очень эффективный. Петля на совершенно законных основаниях используется в большинстве развитых охотничьих стран, где их применение четко регламентируется правилами. Более того, в Канаде, США и в Евросоюзе петли, как самоловные орудия, признаны не противоречащими Международным стандартам на гуманный отлов животных³.

Понятно, что запрещай – не запрещай, а промышлять кабаргу будут в основном петлями. Охотник на своём участке – хозяин. И никто его там ловить не будет, да и не сможет, разве что случайно. Есть старое правило, гласящее, что если не можешь противостоять какому-либо явлению или процессу, то возглавь его и направь в нужную сторону. Петлевой лов – тот самый случай⁴. Опять же, давайте посмотрим, что там у наших заклятых друзей на Западе? Хотя это и не модно сейчас. Но справедливости ради следует признать, что дело охраны ресурсов животного мира там поставлено гораздо лучше, чем под сенью родных осин. Там во главу угла поставлено управление популяциями охотничьих животных через охоту и промысел, а не огульными запретами и пустыми декларациями. В результате там, при в разы большем количестве охотников, с охраной животного мира вполне благополучно. Браконьерство – весьма редкое явление, промысловики (трапперы) – достаточно обеспеченные люди, а зверья везде полно. Встретить оленя не только в угодьях, но и в городском парке, а лося на окраине поселения – обычное дело. Во многом это обусловлено и тем, что там не занимают бездумными запретами, а стараются «расширять узкие места». Не пытаются «отменить» какое-либо уже сложившееся явление или практику, а сделать так, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы». Отчего же не адаптировать к нашим условиям и не использовать у себя успешный опыт других стран? Ничего зазорного в этом нет.

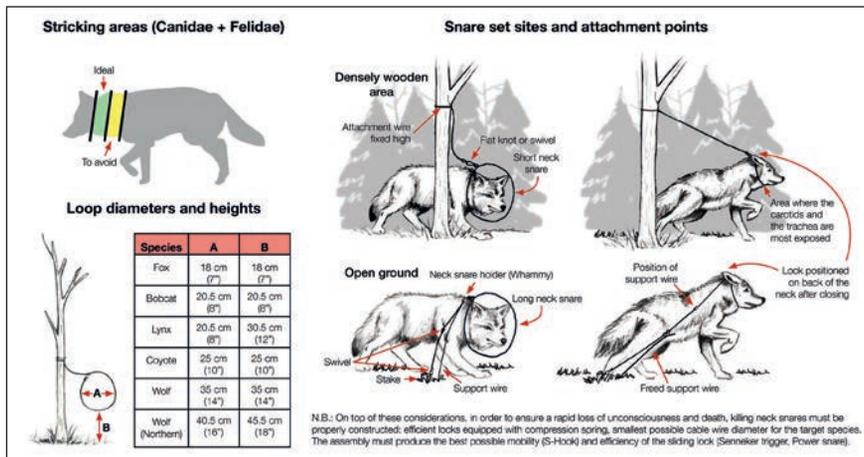
Вот бы и у нас взять, да и навести порядок в использовании петель при промысле, разработать такие их конструкции, чтобы минимизировать возможность гибели в них иных, не целевых, животных. Разработать конструкции не давящих, а удерживающих петель, в которых бы не гибли бессмысленно самки и молодняк. Ведь «снизу», у промысловиков, такие кустарные разработки есть. При проведении исследований в 2000 – 2003 гг. автору приходилось сталкиваться с самодельными удерживающими петлями, применявшимися на промысле кабарги в Хабаровском крае. От мертвого затягивания петлю удерживал специальный ограничитель. И попавший в такую петлю зверь не давился в ней, а удерживался, как на привязи. Взрослого самца охотник достреливал из мелкашки, а самку или молодую особь, предварительно накрыв куском брезента или полушубком, выпутывал из петли и отпускал на волю.

В связи с этим вспоминается забавный диалог с одним из промысловиков, которого опрашивали в ходе исследований:

² В. Степаненко «Кабарга и промысловая охота» см. в № 6-2021 г.

³ Соглашение о Международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией, подписанного в г. Брюсселе 15 декабря 1997 г. Россия ратифицировала Соглашение в 2008 г. США формально к Соглашению не присоединились, но официально взяли на себя обязательство соблюдать все требования Международных стандартов.

⁴ В ближайшее время мы планируем обсудить на страницах нашего журнала проблему допустимости или недопустимости использования петель в качестве орудия добычи диких животных.

Страница из пособия по установке петель для добычи волков и койотов, изданного Пушным институтом Канады. (Best Trapping Practices, 2016)

– Вы, наука, ерундой занимаетесь. Вы бы лучше придумали удобный намордник для кабарги!

– Намордник?! Зачем?

– Дык, ведь кусается, зараза, когда её из петли достаёшь.

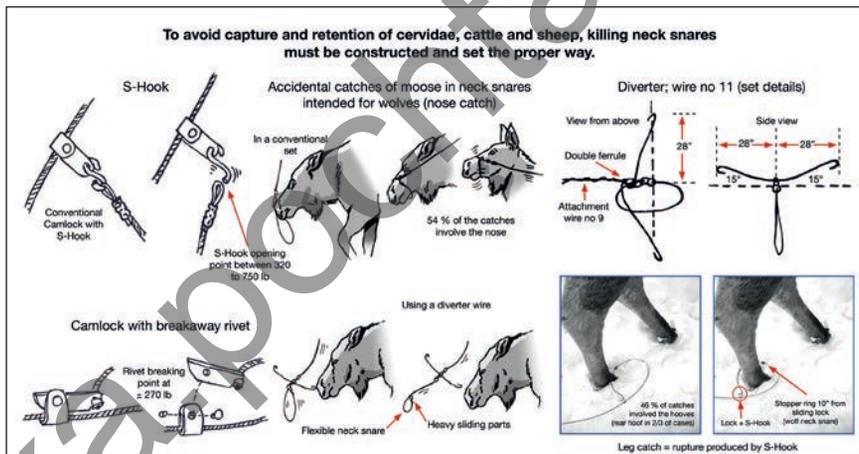
– Как кусается? Она ж мёртвая...

– Да какая мёртвая? Я ж не злодей. У меня все петли с чопиком-ограничителем. Я самки и молодняк не давяю, я их из петли достаю и живыми выпускаю. А кабарожка – дура, она, когда её из петли достаёшь, норовит за руку цапнуть. Накрываю её, но накрытую доставать неудобно, всё равно к голове руками лезешь. Намордник надо!

Конечно, случалось, что кабарга всё же погибала и в такой петле. Билась, ломала ноги или становилась легкой добычей ушлого хищника. Не всегда срабатывал ограничитель, особенно, когда взрослая самка сильно билась в петле.

Из всего сказанного напрашивается закономерный вывод о том, что в кабарожьем промысле пора наводить порядок. Причём не вводить новых ограничений и запретов, а именно **наводить порядок, т.е. упорядочивать и применение тех же петель, и скупку-оборот струи.** Потому, что социальная роль кабарожьего промысла в ближайшее десятилетие будет только расти, а роль пушного промысла падать. А поэтому крайне необходимо:

1. Наладить нормальную оценку численности кабарги в угодьях по методикам, адаптированным к биологическим особенностям этого зверя, и определения его пространственного распределения по угодьям. На основе полученных данных установить реальные допустимые объёмы промыслового изъятия кабарги.

Рекомендации по установке и использованию петель для исключения гибели в петлях копытных животных (Пушной институт Канады, Best Trapping Practices, 2016)

2. Установить принципы справедливого распределения квот на добычу кабарги на всех уровнях.

3. Разработать систему контроля за добычей и над последующим оборотом струи кабарги. Одной из проблем отечественного охотничьего промысла являются формальный механизм контроля над добычей охотничьих животных через выделение квот на их добычу и выдачу бумажек – разрешений на добычу. Этот чиновно-бюрократический механизм демонстрирует свою полную неэффективность и в случае пушного промысла, и в случае промысла кабарги. И при охоте на других копытных⁵ тоже.

4. Изменить подходы к вопросу о допустимых способах добычи кабарги с помощью самодельных орудий и петлями в том числе. Разработать конструкции петель, обеспечивающих удержание пойманных кабарог без сколько-нибудь серьезного ущерба для здоровья пойманных зверей, а также обеспечивающих их безопасность

для нецелевых видов. За основу можно взять уже опробованные конструкции, разработанные Пушным институтом Канады, и испытанные годами успешного использования трапперами Канады и США.

5. Обеспечить прозрачность и прослеживаемость оборота продукции кабарожьего промысла для предотвращения вовлечения незаконно добытого мускуса в оборот. Прозрачность, т.е. прозрачность для контроля и прослеживаемость на всех этапах оборота – это один из краеугольных камней эффективного контроля над использованием любого биологического ресурса и управления им.

Что это даст? Это даст главное – необходимые предпосылки для неистощительного использования важнейшего ресурса животного мира. При этом промысловики

⁵ В ближайших номерах редакция планирует вернуться к вопросу об эффективности механизмов регулирования охоты.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОНА ЛОСЕЙ

В. ГЛУШКОВ, доктор биологических наук

Вуже далёком 1988 году приказом Главхоты РСФСР были утверждены Типовые правила охоты в РСФСР, где пунктом 36 устанавливалось, что «добыча диких копытных животных: лось, пятнистый олень, благородные олени (европейский и кавказский подвиды, марал, изюбрь) может осуществляться в следующие предельные сроки: взрослые самцы с 20 августа по 15 января»¹. Для охотников и для меня лично слова: «добыча диких копытных может осуществляться на взрослых самцов с 20 августа по 15 января» означали очень важную новость – наконец-то разрешили интересную, эффективную и чрезвычайно эмоциональную охоту на самцов лосей в период гона!

Много лет назад, мне пришлось вплотную заниматься изучением гона лосей. Тогда, в 1964 – 1969 гг. я только начинал работать во ВНИИОЗ (в ту пору ВНИИЖП), и плохо представлял себе, что такое гон лосей. Первые сведения по этой теме прочел в старой, 1900 года, книге Нарышкина «Охота на лосей» и в статье А.С. Рыковского (1965 г.) о возможности использования гона лосей в учетах и охоте. Реальное представление о таком способе охоты на лосей я получил в 1966 г. от зам. редактора журнала «Охота и охотничье хозяйство» Константина Ястребова, гостившего в научно-опытном охотничьем хозяйстве института (НООХ). Появилось общее представление, как происходит гон лосей, и в чём суть охоты на вабу. Хотя услышать голос быка тогда так и не удалось, желание по-настоящему изучить поведение лосей во время гона только окрепло.

Будучи лаборантом и выполняя различные поручения сотрудников, я исподволь начал изучение лосей: их поведение, биологию, способы мечения. Интерес вызвали вопросы местобитания, образа жизни, дневной и суточной активности. В угодах НООХ, находящихся под наблюдением большого числа штатных сотрудников, появились в начале сентября увядавшие лосей не оставалось незамеченным; обсуждалась вероятность краткосрочного подъёма их численности.

В Тамбовской области, подобное явление получило у охотников название «высыпки» лосей, предполагающее существование подчочёвок, но эта версия не подтвердилась, поскольку не вполне увязывалась с данными о социальной организации популяции лосей. По данным одних ученых, лось считался безусловным моногамом, живущим отдельными семьями оседло, тогда как другие, опирающиеся на опыт лосефермы, относили лосей к полигамным видам. При та-

Фото из архива автора

ком статусе, «высыпки» могли трактоваться и как повышение активности зверей, и как увеличение численности. Несколькими позже выяснилось, что активные перемещения касались только самцов, поскольку перемещения самок определялись условиями текущей жизнедеятельности в пределах их индивидуальных участков.

По мнению научного руководителя – Юрия Порфирьевича Язана, следовало уточнить социальную организацию лосей, используя данные мечения, ежедневную визуальную регистрацию зверей и изучение их вокальной активности на участках взрослых самок с потомством. На первый план работ, кроме установки на тропах автоматически застегивающихся ошейников, вышла необходимость научиться вабить и попытаться «нащупать» причины меняющейся активности гона. Тогда я не сразу осознал масштабы и объём работы, которая мне предстояла.

Работая с большим энтузиазмом почти круглосуточно, неделю потратил на уточнение занятости индивидуальных участков самок. Попутно тренировался имитировать непривычные звуки вабы; голосом лосей самца – «УО» и самки – «ЭЭЭ», используя в качестве резонатора самодельную дудку. Подкорректировал и начал оборудование трасс основного замкнутого и нескольких коротких маршрутов. Выбрал место и построил избушку, в чем мне помог уроженец этих мест, страстный охотник Александр Алексеевич Плюснин, бывший военный разведчик, а в последующей мирной жизни – егерь НООХ.

Одновременно с изучением поведения быков, приходилось регулярно расчищать тропы на маршрутах. Мачете на поясе и топор с пилой-ножовкой на несколько лет стали неизменными спутниками моих полевых работ. По мере изучения свойств каждого индивидуального участка строил в «горячих» точках простейшие полу-вышки (лест-

ницы с сиденьем наверху), убирал ветровальные деревья, появляющиеся на тропе почти ежедневно. Отсутствие необходимой для работ мотопилы считалось обычным делом, а о приборах для ночных наблюдений и биолокации даже не приходилось и мечтать. Флюгер, анемометр, барограф, термограф и хронограф, весы, банка с формалином – вот все оборудование моей лесной «лаборатории». Главную ценность для работы представляла портативная рация «Недра-П», обеспечивавшая связь с базой и другими избушками.

Самым удобным временем для изучения гона были два интервала по 2,5 – 3 часа с высокой активностью лосей – на утренней и вечерней заре. Большая протяженность маршрутов и необходимость дополнительных затрат времени, минимум по 5 минут, на уточнение ответной реакции лосей на каждой точке вабы, предполагали очень строгий по времени режим прохождения маршрута. Постепенно определился нужный график работы: утром с 4.30 до 9.00, а вечером с 17.00 до 20.30. В основном, в эти часы все четыре года и велись наблюдения по местоположению и статусу лосей, их реакции на вабу голосами самца, самки, сеголетка и на имитацию звуков активного гона. В полевом дневнике регистрировал время наблюдения, погодные условия, точки вабы, направление и дистанцию до места ответа, предполагаемый статус быка и его перемещения. При быстром приближении зверя, чтобы уменьшить беспокойство, требовалось поспешно уходить дальше по маршруту. Даже в темноте не каждый раз удавалось легко отделаться от возбуждённого зверя. Были случаи, когда бык, пытаясь меня догнать, выскакивал на тропу и приближался вплотную, не обращая внимания на запах человека, стоящий в воздухе. Лишь в последний момент, находясь иногда в нескольких шагах, зверь понимал свою ошиб-

¹ В соответствии с действующими Правилами, охота на самцов лосей во время гона разрешена с 1 сентября по 30 сентября (прим. ред.).